

Пролог

ВЫСТРЕЛЫ НА ПАРАДНОМ СПЕКТАКЛЕ

Степанов С.А.

С 79 Загадки убийства Столыпина. — М.: «Прогресс-Академия», 1995. — 304 с., ил.

Книга доктора исторических наук С.А. Степанова посвящена одному из самых загадочных политических убийств XX в. В Киеве 1 сентября 1911 г. Дмитрий Богров стрелял в Председателя Совета министров П.А. Столыпина, который от полученных ран скончался. Почему именно в Столыпина? Кем был Столыпин для России? Кто такой Дмитрий Богров и что заставило его совершить это преступление? На эти и многие другие вопросы автор отвечает в своей книге.

Текст сопровождается примечаниями, библиографией и иллюстрациями. В Приложении впервые полностью публикуется Доклад комиссии сенатора Трусевича, занимавшейся расследованием обстоятельств убийства.

С 0503020300—001
8A7(03)—95 без объявл.

ББК 63.3(2)523

ISBN 5—85864—003—6

© «Прогресс-Академия»,
1995

Вечером 1 сентября 1911 г. к киевскому городскому театру потянулся нескончаемый поток экипажей. Парадный спектакль (ставилась опера Н.А.Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане») являлся частью торжеств, связанных с открытием памятника Александру II. В 1911 г. вся Россия отмечала 50-летие реформы 1861 г. Почтить память своего деда прибыл Николай II в сопровождении свиты и почти всех министров и, естественно, присутствие высших сановников и царя потребовало особых мер для обеспечения их безопасности. Эти меры были приняты задолго до того как царский и свитский поезд тронулись со станции Новый Петергоф. Общее руководство охраной считалось прерогативой министра внутренних дел. С апреля 1906 г. эту должность занимал Петр Аркадьевич Столыпин, с июля 1906 г. он являлся одновременно Председателем Совета министров. Как правило, организация охраны вне столицы поручалась местной

администрации, но в данном случае Столыпин возложил эту обязанность на своего заместителя — товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов, генерал-лейтенанта, штаммейстера Павла Григорьевича Курлова. Это имело роковые последствия.

Неизвестно, чем руководствовался Столыпин, отдавая предпочтение своему заместителю. Высокопоставленные чиновники ревниво следили за подобными назначениями и обижались не хуже институток. Генерал-губернатор Ф.Ф.Трепов как хозяин Юго-Западного края твердо рассчитывал, что почетные хлопоты по приему царской семьи лягут на его плечи. Он был настолько уязвлен предпочтением, оказанным Курлову, что попросил премьер-министра передать царю свое ходатайство об отставке. Столыпину удалось уладить этот инцидент. По воспоминаниям Трепова, премьер-министр просил «не утруждать его непосильным докладом Его Императорскому Величеству о каких-то разномыслиях, возникших среди главных начальников по вопросу об охране Государя»¹. Курлову же Столыпин написал: «Как вы знаете, я опасался этого и, по правде сказать, понимаю Трепова... Вас прошу всячески щадить его самолюбие, оберегать всемерно его авторитет начальника края»².

Человеку не дано предугадать собственную судьбу. Есть сведения, что Столыпина мучили мрачные предчувствия перед киевской поездкой. Вряд ли у него была полная свобода рук при назначении главного организатора охраны на торжествах, ведь надо было учитывать инте-

ресы царской четы и придворные интриги. Кто знает, дрогнуло ли сердце у Столыпина, когда он подписывал распоряжение о назначении Курлова? Пришло ли ему в голову, что, вроде бы удачно урегулировав инцидент между министерством и генерал-губернатором, он по существу подписал себе приговор?

За две недели до начала торжеств Курлов выехал в Киев, чтобы лично наблюдать за всеми приготовлениями. В дороге его прихватил радикулит, так что ему пришлось срочно вызывать из столицы известного тибетского целителя Бадмаева. В Киеве генерал почти не покидал апартаментов в гостинице «Европейская». Впрочем, дело не было брошено на произвол. Административная машина исправно крутилась, тем более, что Курлов привез с собой двух помощников — вице-директора Департамента полиции, статского советника М.Н.Веригина и начальника дворцовой охраны, полковника А.И.Спиридовича. Предполагалось, что они будут авторитетными советниками для начальника киевского охранного отделения подполковника Н.Н.Кулябко.

В распоряжении организаторов охраны были местная полиция и войска киевского округа. На покрытие дополнительных расходов Курлову выделили 300-тысячный кредит из фондов министерства внутренних дел. Полиция постаралась очистить город от неблагонадежных элементов. Охранное отделение провело массовые «ликвидации» — так на жандармском языке назывались аресты (после революции аналогичные органы вкладывали в этот термин более грозный смысл).

В ночь с 28 на 29 августа было «ликвидировано» 33 человека, подозреваемых в принадлежности к партии эсеров. Аресты производились также среди анархистов и социал-демократов.

Особое внимание было обращено на маршруты следования высоких гостей и вообще на все места, которые они собирались посетить. Особое регистрационное бюро занималось проверкой благонадежности горожан, а полицейские надзиратели опрашивали каждого обывателя, о приезжих запрашивали по телеграфу. Владельцам домов и усадеб предписывалось во время проезда высочайших особ: «а) все ворота здания и заборов, им принадлежащих, держать запертыми, б) на крыши, чердаки, заборы, деревья и к слуховым окнам никого не допускать и при каждом воротах иметь привратника, который должен впускать и выпускать только известных ему лиц, в) хозяева квартир, расположенных в тех местностях, обязываются во время проезда Его Величества допускать к окнам и на балконы квартир, ими занимаемых, только лиц, ими приглашенных и хорошо им известных»³.

За чертой города должны были использоваться войска. Например, во время поездки в Овруч на протяжении всех 43 верст через каждые 5 сажень стояли конные стражники. Все лето углублялось русло реки Десны, чтобы направлявшийся в Чернигов царский пароход не сел на мель и не стал легкой добычей террористов. Содействие полиции оказывали верноподданные киевляне. Десять тысяч человек записались в добровольную охрану, в задачу которой входило живой цепью

закрыть царя и министров от возможных покушений.

Генерал Курлов распорядился вызвать из столицы летучий филерский отряд. Филеры называли агентов наружного наблюдения. Летучий отряд прошел выучку у легендарного Евстратия Медникова. Его филеры славились умением прочно садиться «на хвост» подозреваемому и удачно проводить «сдачу товара» (арест). В погоне за сокрушителями устюев филерам приходилось вскачивать в уходящие поезда, которые порой увозили их за границу без денег и документов. Но и там они умудрялись продолжать слежку.

Полковник Спиридович привез из Царского Села собственную агентуру. Начальник дворцовой охраны обучал своих людей по обширной программе от «отечествоведения и российской истории» до «езды на велосипедах и беге на лыжах», не говоря уж об обращении с оружием всех систем. В общей сложности в Киеве было задействовано 426 агентов наружного наблюдения.

Непосредственная охрана Столыпина (а также министра народного просвещения Л.А.Кассо, ненавидимого учащейся молодежью) состояла из 22 лиц. Премьер-министр остановился в генерал-губернаторском доме, где по словам очевидца, «во всех коридорах, ведущих в вестибюль, находились круглые сутки агенты в штатском, для которых там поставлены были возле каждого поворота стулья. На внутренних лестницах в доме также стояли агенты»⁴.

Вся охрана была приведена в готовность утром 29 августа по прибытии царского поезда в

Киев. На следующий день состоялось открытие и освящение памятника Александру II. 31 августа торгово-промышленные круги устроили народное гуляние в Купеческом саду с иллюминацией и фейерверком. Программа 1 сентября была расписана очень плотно. Ранним утром Николай II и свита выезжали на маневры. В полдень они должны были возвратиться на обед, а в четыре часа дня начинался смотр потешных (русский вариант бойскаутов) на ипподроме. В семь вечера заканчивались скачки на императорский приз, а в девять часов начинался парадный спектакль в городском театре.

Киевский губернатор А.Ф.Гирс вспоминал: «Я больше всего опасался за благополучный исход гуляния в Купеческом саду, где по местным условиям и при наличии густой толпы народа всего труднее было охранить Особу Государя Императора и оградить министров, и я легко вздохнул, когда этот день миновал.. За театр можно было быть спокойным, так как та публика, которую предположено было допустить туда, была строго профильтрована»⁵. Действительно, театр считался едва ли не самым безопасным местом. Здание было проверено за две недели до торжеств. В архивных делах сохранился акт осмотра театра, из которого следует, что жандармы вскрыли полы в генерал-губернаторской ложе и осмотрели стены под обивкой. Некоторые подсобные помещения опечатали. Перед спектаклем обследовали большую хрустальную люстру, наверное, для того, чтобы убедиться, что злоумышленники ее не подпилили.

Для участников в торжествах было установлено 26 категорий пропусков, при входе в театр действовала самая строгая категория. Не все генералы добились чести быть приглашенными на спектакль. Вечером 1 сентября по заранее объявленному маршруту пустили свитские экипажи. Пока их приветствовали ликующие киевляне, царский автомобиль проскользнул к театру по боковой улице. Отклонился от намеченного маршрута и Столыпин. Он ехал не в примелькавшемся за три дня конном экипаже, а в губернаторском автомобиле.

В девять часов Николай II с двумя дочерьми (императрица не присутствовала из-за недомогания) и болгарским царевичем появились в ложе генерал-губернатора. Высшим сановникам был отведен первый ряд партера. Столыпин сидел в кресле номер 5 «Б» между генерал-губернатором Ф.Ф.Треповым и министром императорского двора бароном (еще не графом) В.Б.Фредериксом. Охране полагалось сидеть сзади, но генерал Курлов не командировал в Киев ротмистров Дексбаха и Пиранга — опытных телохранителей, сопровождавших премьер-министра во всех поездках. Вместо них был послан капитан Есаулов, занимавшийся в основном письменной работой. Когда до конца оперы оставался один акт, Столыпин отправил Есаулова подготовить автомобиль для отъезда и остался совсем без охраны.

В антракте Столыпин стоял, облокотившись о барьер оркестровой ямы, и разговаривал с бароном Фредериксом и графом Потоцким. В этот момент в проходе появился молодой человек в

черном фраке. Он быстро подошел к сановникам и выхватил из кармана браунинг. Раздались два выстрела. По словам губернатора Гирса, «Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя»⁶.

После выстрелов зрители замерли, как парализованные. Террорист с браунингом в руке также замешкался на несколько мгновений. Потом он побежал по проходу, но несколько человек уже пришли в себя и бросились ему наперерез. В зале творилось нечто невообразимое. Покушавшегося схватили за фалды фрака и повалили на пол. Аристократическая публика начала избивать террориста, словно толпа простонародья, поймавшая на базаре конокрада. На него набросились полсотни военных и придворных. Со всех сторон неслось: «Убейте его!» Особенно неистовствовали дамы в ложах и на балконах. Николай II вышел из аванложи, но не приблизился к раненому.

В момент покушения генерал Курлов и подполковник Кулябко находились в фойе. Кулябко говорил впоследствии, что когда они услышали крики, «первое впечатление было, что рухнул те-

атр от перегрузки. Под этим впечатлением я и генерал Курлов бросились в зрительный зал»⁷. Их опередил полковник Спиридович. «Я вбежал в зал, — показывал он, — по стульям добежал до министра Столыпина, бросился к схваченному преступнику и замахнулся на него саблей»⁸. Зарубить террориста полковник не смог, так как его со всех сторон обступила толпа. Тогда он встал у царской ложи, где ему собственно и полагалось находиться с самого начала. Обнаженная сабля Спиридовича запомнилась многим. Впоследствии по этому поводу возникло много вопросов.

Наконец, жандармский подполковник А.А.Иванов вырвал покушавшегося из рук толпы и громко крикнул, что преступник взят под стражу и будет передан судебным властям. Арестованного быстро вывели из зала. Лицо его было покрыто ссадинами (публика избивала его театральными биноклями), но значительных повреждений он не получил. О продолжении спектакля не могло быть и речи. Занавес все же поднялся и оперные певцы грянули «Боже, Царя храни!» Гимн был исполнен шесть раз. Николай II, стоя у края ложи, кланялся в зал. Воодушевленная публика, не понимая нелепости происходящего, устроила овацию.

Столыпин уже не слышал гремевшую музыку. Его вынесли в вестибюль и положили на диванчик у театральной кассы. Лейб-медик Рейн и декан медицинского факультета Оболенский остановили кровотечение, затем раненого перевезли в частную лечебницу Маковского на Малой Владимирской улице. Столыпин был ранен дву-

мя пулями. Вторая рана была неопасной: браунинг террориста дрогнул и пуля попала в руку, прошла навылет и ранила скрипача оркестра А.Берглера. Потом судебным властям пришлось вести с ним длинную переписку, поскольку скрипач выражал полную уверенность, что покушались именно на него, а Председатель Совета министров случайно оказался рядом.

Однако первый выстрел был произведен в упор, с расстояния двух-трех аршин. Пуля раздробила ребро и попала в печень. Такие ранения медицина относила к числу тяжелейших. Получилось так, что пуля попала в орден Владимира III степени, и в Киеве это истолковали как знак свыше — ведь именно в этом городе Святой Владимир крестил Русь.

Первые дни после покушения были наполнены надеждой. Утром 2 сентября Столыпин велел подать зеркало, посмотрел на себя и сказал: «Ну, кажется, я на этот раз выскочу». Врачи также были настроены на оптимистический лад. Их мнение поддержал личный врач премьер-министра Цейдлер, экстренно прибывший из Петербурга. 3 сентября чиновник особых поручений телеграфировал в министерство внутренних дел: «Здоровье министра лучше, профессор Цейдлер очень доволен его видом, врачи, осмотрев, высказали мнение, что в настоящее время есть 90% за то, что осложнений не будет»⁹. В ночь на 4 сентября Цейдлер сделал операцию и извлек пулю, но днем было опубликовано сообщение, что в состоянии больного произошло ухудшение, хотя оснований для серьезных опасений пока нет.

Жена Столыпина — Ольга Борисовна, выехавшая из имения Колноберж Ковенской губернии, по дороге читала успокоительные сообщения о здоровье мужа. В Киеве, к ее ужасу, врачи предупредили, что надо готовиться к худшему. Столыпин все чаще впадал в забытье. В ночь с 4 на 5 сентября собрался консилиум, который констатировал: «Несмотря на все возбуждающие средства и подкожное вливание физиологического раствора соли, в деятельности сердца наступило некоторое улучшение лишь на самое короткое время. Все время применяется кислород».

Врачи обнаружили признаки брюшного воспаления: печень была задета сильнее, чем можно было предположить. По трагической случайности печень была повреждена не столько пулей, сколько осколками ордена, на который вначале возлагались спасительные надежды. Днем 5 сентября положение Столыпина было признано безнадежным. Он почти не приходил в сознание. В 10 часов 12 минут вечера сердце Столыпина остановилось.